

Д.А. Щербаков

Публицистика Н.Г. Чернышевского в оценке А.В. Луначарского

Статья посвящена анализу статей А.В. Луначарского о Н.Г. Чернышевском. В этих статьях Луначарский пытался повысить литературный статус автора романа «Что делать?», доказать, что он – хороший писатель. Делается вывод о двойственности статей Луначарского: с одной стороны, в них утверждается, что Чернышевский – один из лучших писателей. Но, с другой стороны, это утверждение почти всегда сопровождается оговорками. В итоге смысл статей Луначарского о Чернышевском сводится к расхожему дореволюционному мнению о том, что автор «Что делать?» прежде всего пропагандист, и только во вторую очередь писатель.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, роман «Что делать?», литературная репутация, русская журналистика середины XIX в., А.В. Луначарский.

Среди «предшественников» большевиков по «революционному движению в России» В.И. Ленин называл и Н.Г. Чернышевского¹. После того как большевики взяли власть, началась канонизация Чернышевского-революционера. Однако далеко не все советские идеологи и историки литературы готовы были разглядеть в Чернышевском не только пропагандиста, но и писателя. Причина тому – негативное отношение к Чернышевскому-писателю в дореволюционной России. Так, например, Г.В. Плеханов в 1894 г. писал, что «роман действительно очень тенденциозен, художественных достоинств в нем очень мало»².

Мнение читателей и критиков романа «Что делать?» сводилось в целом к тому, что Чернышевский хороший пропагандист и публицист, но плохой писатель.

Первым после установления советской власти за Чернышевского вступился руководитель Народного комиссариата просвещения А.В. Луначарский. Талантливый публицист, Луначарский привлекал внимание читателя эффектными формулировками. Он, казалось бы, провоцировал спор: «Может быть, вам покажется парадоксальным, если я скажу, что Чернышевский – великий писатель-беллетрист и что не только его произведения глубоко захватывающи и художественно полноценны, но что они, быть может, являются наилучшими образцами того романа, который нам нужен»³.

Луначарский рассуждал о романе, «который нам нужен», подразумевая под «нами», естественно, большевиков. На уровне прагматики подразумевался тот же тезис, что и формулировал Ленин: если бы Чернышевский «писал бездарно и примитивно»⁴, был бы плохим писателем, его книга не изменила бы жизнь сотен и тысяч других людей.

Молодежь, согласно Луначарскому, не читает роман «Что делать?» не только в силу неосведомленности. Один из важнейших факторов – именно литературная репутация. Из-за нее «продолжает иметь место пренебрежительно-эстетское отношение к художественным произведениям самого Чернышевского»⁵. Нарком акцентировал: «Будет преступлением с нашей стороны, если мы не ознакомим сейчас с Чернышевским нашу молодежь, я глубоко убежден в том, что молодежь проходит мимо него потому, что просто не знает его»⁶.

Согласно Луначарскому, предубеждение в отношении художественных достоинств произведений Чернышевского нужно устранить. Читателей не заинтересует книга Чернышевского, если и дальше будет принято считать, что «художник он, конечно, слабенький; беллетристические его произведения – нечто вроде басни, – в них важна мораль, содержание; автор обернул эту пилюлю в золотую бумажку, чтобы приняли ее за вкусную конфетку, но, в сущности говоря, получается вовсе невкусно. Идеям, высказанным в романе “Что делать?”, Чернышевский придал беллетристическую форму, потому что он хотел обмануть “черного медведя”, хотел, чтобы цензура пропустила эти мысли в печати»⁷.

Примечательно: Луначарский настаивал, что многие критики неслучайно считают роман примитивным. Некоторые основания есть: «Виновником того, что установилась такая, в корне неверная, точка зрения, нужно считать в некоторой степени самого Чернышевского»⁸.

Речь шла о суждениях повествователя в романе «Что делать?», сообщавшего, что сам он талантом не обладает, да и не нужен он

для решения поставленных задач. Понятно, задач пропагандистских. Отсюда следовало, что коль скоро автор сам признался в собственной бездарности, то так оно и есть. Но, во-первых, автор повествователю не тождествен. Во-вторых, подобного рода признание – художественный прием. Соответственно Луначарский постулировал: «Роман “Что делать?” великолепно построен...»⁹.

Луначарский акцентировал, что использованный автором прием – функционален. Не вызывает сомнений и функциональность книги в целом, значит, «на этом романе можно учиться тому, как заинтересовать читателя, как подготовить его к дальнейшему изложению. Чернышевский во время заключения в Петропавловской крепости проделал большую умственную архитектурную работу, чтобы построить это изумительное здание»¹⁰.

Спорил нарком и с критиками, настаивавшими, что герои романа изображены схематично, не выглядят живыми людьми. Таковым признавали, главным образом, Рахметова. Мнения подобного рода Луначарский объявил необоснованными: «Но разве в русской литературе есть положительный тип более грандиозных размеров, чем Рахметов? Разве Рахметов не живет той же вечной жизнью, что Чацкий, Печорин и т. д.»¹¹

Привлекательность героя, его деятельность как образец для подражания – главный аргумент. Споря с теми, кто считал образ Рахметова психологически неубедительным, Луначарский утверждал: «А перечтите нежнейший и тончайший разговор его с Верой – и вы почувствуете тогда, с каким тактом, с каким знанием своего почти целиком в воображении созданного героя подошел ко всему этому Чернышевский»¹².

Спорил нарком не только с литературоведами и критиками до советской эпохи. Анализировал и аргументы товарищей по партии. Прежде всего – А.А. Фадеева, весьма низко ценившего эстетический уровень романа «Что делать?».

Такого рода оценки, предложенные коммунистом, Луначарский счел неуместными именно с партийной точки зрения: «Более удивителен тот факт, что наша марксистская критика присоединилась не к восторженным похвалам десятков тысяч передовых читателей, считавших “Что делать?” “своим евангелием”, а как раз к наиболее свирепым его критикам из либерально-буржуазного и консервативного лагеря. Конечно, это относится не к содержанию романа»¹³.

Далее Луначарский перешел к анализу мнений конкретного оппонента. Не без иронии отметил: «Так, тов. Фадеев, один из крупнейших пролетарских писателей, осмеливается – я повторяю:

осмеливается – сказать, что романы Чернышевского находятся “вне литературы”. Я глубоко уважаю романы самого тов. Фадеева, но очень сомневаюсь, чтобы они имели больше прав на место в русской литературе, чем “Что делать?”...»¹⁴.

Луначарский был согласен с мнением о том, что автор романа «Что делать?» ставил перед собой, прежде всего, задачу убеждения. Он показывал читателям, зачем нужно жить, каким образом надлежит изменить свою жизнь, чтобы достичь поставленной цели. Изображение было важно ему лишь для убеждения, а не само по себе. Задачу он решил, следовательно, изображение было использовано функционально. Пусть Чернышевский откровенно тенденциозен, это и хорошо с точки зрения современности, ведь ныне «абсолютная бестенденциозность вряд ли достижима»¹⁵.

Согласно Луначарскому, не только Чернышевский ставил задачи убеждения. Они ставились едва ли не каждым писателем. Ведь «писатель часто сознает себя даже учителем жизни и считает себя учителем тем более ловким, чем меньше просвечивает у него идейная целеустремленность, чем больше образы говорят сами за себя»¹⁶.

Чернышевский, по словам Луначарского, не скрывал тенденциозность своего романа «Что делать?» не из-за того, что скрыть не умел. Скрывать постольку не хотел, поскольку ориентировался на вполне определенную читательскую аудиторию. При этом, решая пропагандистские задачи, он оставался именно писателем: «огромное большинство публицистов, нисколько не нарушая великолепнейших научных своих построений, являются в то же время художниками...»¹⁷.

Впрочем, были и писатели, которые, по мнению Луначарского, обгоняли Чернышевского по силе писательского дарования. Это, например, Л.Н. Толстой и А.М. Горький: «...у Горького больше жизни, Горький обладает более непосредственным художественным дарованием, чем Чернышевский. Но, позвольте, товарищи: быть слабее Горького еще не значит быть вообще слабым»; Толстой «неизмеримо больше даровит, чем Чернышевский, как художник. Чернышевский был гораздо более мощен как мыслитель»¹⁸.

Сравнивая Чернышевского с другими писателями, Луначарский пришел к тому, от чего хотел отойти в своих рассуждениях. По мнению наркома, «Чернышевскому не всегда удастся создавать живую, незабвенную личность», «Чернышевский – не великий писатель, – если под великими разумею десять-двенадцать гигантов мировой литературы»¹⁹.

Собственно, общий смысл рассуждений Луначарского, пытавшегося защитить Чернышевского от критических нападков, восходящих к дореволюционному времени, свелся к тому же дореволюционному тезису: Чернышевский – в большей мере пропагандист и публицист, нежели писатель.

Примечания

- ¹ *Ленин В.И.* Из прошлого рабочей печати в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 25. С. 93–101; *Ленин В.И.* Памяти Герцена // Там же. Т. 21. С. 255–262.
- ² *Плеханов Г.В.* Н.Г. Чернышевский и его время // Плеханов Г.В. Собр. соч. М.: Гос. изд-во, 1924. Т. 5. Кн. 1. С. 115.
- ³ *Луначарский А.В.* Чернышевский как писатель // Луначарский А.В. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1963. Т. 1. С. 245.
- ⁴ *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 103–104.
- ⁵ *Луначарский А.В.* Романы Н.Г. Чернышевского // Чернышевский Н.Г. Избр. соч.: В 5 т. М.; Л.: Соцэкгиз, 1932. Т. 5. С. 7.
- ⁶ *Луначарский А.В.* Чернышевский как писатель. С. 255.
- ⁷ Там же. С. 245.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 248.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Луначарский А.В.* Романы Н.Г. Чернышевского. С. 11.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 6–7.
- ¹⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁵ Там же. С. 8.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 9.
- ¹⁸ Там же. С. 11; *Луначарский А.В.* Н. Чернышевский и Л. Толстой // Луначарский А.В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 232.
- ¹⁹ *Луначарский А.В.* Романы Н.Г. Чернышевского. С. 11; *Он же.* Чернышевский как писатель. С. 247.